

ДИСКУССИИ

С. И. Голод

СЕКСУАЛЬНАЯ ЭМАНСИПАЦИЯ ЖЕНЩИН И ПРОБЛЕМА ДРУГОГО*

Придет к нам, верно, из Лесбоса
Решение женского вопроса.

Вл. Соловьев

Подходит к концу двадцатый век. Интеллектуальные и деятельные женщины в течение столетия надеялись реализовать свои дерзкие мечты — перестать быть Другим, объектом. Фактическая картина далека от ожидавшейся. Ее в общих чертах в конце 40-х гг. обозначила Симона де Бовуар: «Быть женщиной — значит сегодня для автономного человеческого существа сталкиваться с особыми проблемами» [2, с. 761]. Право же, мысль не назовешь прозрачной, но одно очевидно: завоевание женщиной собственной инаковости — процесс протяженный и далеко не бесконфликтный. Недаром спустя три десятилетия другая феминистка — К. Миллетт — констатирует: «За женщиной по-прежнему отрицается право на сексуальную свободу и биологический контроль за собственным телом — посредством культа девственности, двойного стандарта, запрета на аборт» [3, с. 169]. Не правда ли, вырисовывается мрачноватый патриархатно окрашенный миропорядок? Оценка ситуации частично объяснима, однако разделить ее целиком было бы неверно.

Не требует детальных доказательств, что все перечисленные традиции (как, впрочем, и ряд других) переосмыслены в результате сексуальной революции 1960-х гг. Она, как хорошо известно, провозгласила полное раскрепощение эроса, представив сексуальность как автономную (от брака и прокреации) сферу неограниченного поиска. Революция, специально подчеркну, в значительной мере преобразила судьбу женщин. Экономически самостоятельная, социально независимая женщина свободнее определяет свою сексуальную идентичность, стиль жизни и эротические предпочтения. На этот счет на Западе имеется широкая гамма публикаций: от А. Кинзи до У. Мастерса, от П. Сорокина до

* Другой — то, что не есть Я, т. е. «иное», представленное однако в отношении ко мне и для меня [1, с. 256].

Исследование осуществлено при финансовой поддержке грантов: РГНФ (97.-03-04099) и РФФИ (99-06-80309).

Голод Сергей Исаевич — д-р филос. наук, директор Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН.

Адрес: 198005, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25/14.

Тел: (812) 316-34-36, факс: (812) 316-29-29. E-mail: ego@sociology.nw.ru

Э. Гидденса [4–7], Автономизация сексуальности и ее последствия не обошли стороной и Россию. Отечественная литература по обсуждаемой проблеме, мягко выражаясь, не столь богата [8], и уж совсем незначителен добротный полевой материал. Исходя из последнего обстоятельства, пунктирно намечу некоторые эмпирические закономерности, созвучные в целом мировым процессам.

В середине 1960-х гг. мною были выявлены в молодежной среде признаки отхода от единообразия в сексуальной морали. Предполагалась и дальнейшая ее либерализация [9–10]. Более поздние изыскания оправдали эти экспектации. В самом деле, в интервале между 1960-ми и 1990-ми гг. среди юношей и девушек увеличилось число лиц, оправдывающих возможность вступления в сексуальные связи, не ассоциируемые с браком и, напротив, уменьшилось — осуждающих*. Конкретно, среди первых позитивная оценка выросла с 53 до 72%, тогда как негативная снизилась с 17 до 4%; динамика показателей у вторых такова: 38 против 80% и 30 против 3%. Под влиянием приведенных индексов складывается впечатление о торжестве единого стандарта. Такое умозаключение надо признать поспешным: оно не согласуется с целым рядом конкретных фактов, имеющих в моем распоряжении. Внесу ясность. Мужчины из выборки 1995 г. оправдывали «для себя» добрачную практику в 70 случаях из 100 и лишь 4% ее осуждали, в то время как «для женщин» соответственно 60 и 10 случаев на каждую сотню. В свою очередь, 80% женщин оправдывали указанные связи «для себя» при минимальном — 3% осуждении, а «для мужчин» соответственно 89 и 2%. Зададимся вопросом: не противоречат ли друг другу представленные ряды? В принципе, нет. Одно дело артикулировать нравственные установки своего пола абстрактно, иное — соотнести себя как представителя определенного пола с противоположным и тем самым столкнуться с иерархической дилеммой.

Для полноты картины эротических преобразований приведу (по тем же опросам) основные показатели актуального поведения мужчин и женщин. Число юношей, вступавших в сексуальные контакты, не связанные с брачным союзом, на протяжении тридцати лет было достаточно выразительно и стабильно (от 79 до 89%), что, по-видимому, содействовало закреплению иллюзии отсутствия проблемы. В отличие от этого у девушек охват вовлекаемых непрерывно расширялся и особенно интенсивно с конца 80-х годов. Среди лиц обоего пола отмечено увеличение доли вступающих в связи на ранних этапах психофизиологического цикла (до 16 лет) и, наоборот, снижение на зрелых (после 21 года).

Вместе с тем анализ, осуществленный отдельно по полу, разнообразит пейзаж. У мужчин, не достигших шестнадцатилетия, в интервале между 1965 и 1995 гг. фиксируется рост вступивших в сексуальные связи почти вдвое (с 8 до 15%), у женщин того же возраста — в восемь раз (от 0 до 8%). Внушительные

* Здесь рассматриваются результаты трех студенческих опросов, проведенных в Ленинграде (С.-Петербурге) в 1965, 1972, 1995 гг. Каждый раз выборка состояла из 500 человек, мужчин и женщин поровну, возраст респондентов от 18 до 24 лет (со второго до шестого года обучения), как правило, не состоящих в браке, примерно треть из них мигранты. Во всех случаях отбирались вузы гуманитарного (типа пединститута), естественного (типа мединститута) и технического (типа электротехнического) профиля и в обязательном порядке были представлены факультеты университета.

количественные подвижки выявлены у 16–18-летних: у мужчин с 45 до 52%, у женщин — с 11 до 54%. Важно и следующее: по результатам двух первых опросов установлено — наибольший удельный вес женщин, вступавших в контакты, пришелся на временной отрезок между 19 и 21 годом, согласно третьему — 16–18 годами. Проще, доминантный возраст первого сексуального, опыта для обоих полов к 1990-м гг. стал предшествовать законодательно закреплённому брачному порогу.

Не умолчу еще об одном существенном сюжете — о трансформации внебрачной сексуальности. Так, с конца 1960-х до конца 1980-х гг. доля мужчин, состоящих (или состоявших) в эротических отношениях, помимо легитимного партнера, возросла с 47 до 76%, среди женщин таких оказалось в первом случае 30%, во втором — 48%*. Удельные веса, как видим, различны, но динамика прироста их показателей близка. Любопытный нюанс: женщины к началу 1990-х гг. преодолели «планку» мужского адюльтера двадцатилетней давности. Предсказать дальнейшие темпы сближения внебрачной активности было бы, с моей стороны, рискованно (хотя бы в силу малых выборок), но поразмыслить исследователю есть над чем**.

Формирование сексуальной биографии женщины (в отличие от мужской) в решающей степени, полагают некоторые специалисты, сопряжено не со временем начала эротической жизни, а с тем, *кто* был ее первым партнером и *какая* мотивация лежала в основе сближения. Польский социолог Х. Малевская утверждала: если женщина любила своего первого партнера (даже в случае непродолжительности их связи), то в дальнейшей ее судьбе велика вероятность эмоционального благополучия [11]. Солидаризируюсь с высказанной версией, проиллюстрирую ее некоторыми результатами опросов студенчества.

Что касается объекта первой сексуальной близости, то у мужчин доминирует с прирастающим объемом «подруга, близкая по возрасту, образованию и интересам» (girl-friend)***, также устойчиво на втором месте, правда, с убывающей долей, расположилась — «женщина значительно старше по возрасту и, как правило, с иными интересами». У женщин шкалы не столь монотонны: в 1965 г. «жених» и «друг» (boy-friend) представлены симметрично (по 27%) и близок к ним по представительству «муж» (23%); ощутимые сдвиги фиксируются через семь лет: на первом месте единолично закрепился «друг» (40%), вслед за ним — «жених» (31%), а «муж» сместился на периферию (13%). Откровенно говоря, наиболее радикальные преобразования отмечаются в выборке 1995 г.: во главе по-прежнему — «друг» (44%), далее высветилась новая фигура — «мужчина значительно старше по возрасту и с иными интересами» (33%), «жених» же разделил судьбу «мужа» — он оказался вытесненным на задворки (12%).

*Я опираюсь на результаты опроса «интеллигенции» (людей, проходивших постдипломное повышение квалификации), проведенного в Ленинграде в 1969 и 1989 гг. В каждом случае было опрошено по 250 человек, мужчин и женщин поровну, возраст респондентов от 25 до 45 лет, все состоят в браке, среди них коренные жители и временно проживающие в городе.

**Опрос (декабрь 1998 – январь 1999 гг.) 700 человек, представляющих все слои населения С.-Петербурга, показал, что около 33% мужчин и 24% женщин имели внебрачные контакты.

***Конкретно по годам опроса: 42–52–66%.

Обогащая версию — обсудим мотивы. Обыденное сознание услужливо подсказывает: в силу того, что у мужчин рано пробуждается сексуальное влечение, то они, по-видимому, в своем большинстве реализуют эту потребность в подростковом возрасте. Эмпирические данные в определенной мере подтвердили бытующий стереотип. В выборках 1965 и 1972 г. мотив «сексуальное влечение» действительно занимает верхнюю позицию шкалы и соответственно равен — 34 и 40%. На следующей ступени закрепился мотив «любопытство», который, кстати, в равной мере свидетельствует «pro» и «contra» юношеской гиперсексуальности. Иная ситуация сложилась к 1995 г.

Вопреки шаблонному представлению, на пике побудительных причин, вытеснив (хотя и не со значительным перевесом) «сексуальное влечение», — проявилась «любовь». Так, если на «любовь» в 1965 г. указывали 16% юношей, то в 1995 г. — 34%; в то же время в первой совокупности «сексуальности» отдали предпочтение 34% респондентов, во второй — 31%. Параллельно с этой пертурбацией снизился и удельный вес «любопытствующих» с 28 до 11%. С большой долей вероятности можно предполагать, что любопытство у юношей сопровождается формирующуюся психоэмоциональную потребность*, любовное же чувство сопряжено у них со зрелой сексуальностью.

В женском мотивационном ряду изменения не столь впечатляющи. Во всех выборках (в чем вряд ли кто заранее мог усомниться) превалирует «любовь». Удивляет другое — доля этого побуждения (в противовес мужскому) имеет тенденцию к снижению: в 1965 г. на «любовь» указало 67% респонденток, в 1972 г. — 54%, и в 1995 г. — 47%. У значительного числа девушек середины 1990-х гг. эротизм не отождествляется с любовью. Иными словами, фиксируется автономизация «телесности» от «душевности». Последующие в иерархии побуждающие причины — «любопытство» и «сексуальное влечение» — не испытывают на протяжении всего периода сколько-нибудь значимых количественных колебаний (первый вокруг 20%, второй — 10%). К концу срока возрастает набор мотивов, которые, однако, не оказывают существенного влияния на специфику женского поведения — «желание стать взрослой» (5%), «боязнь потерять любимого» (3%), «алкогольное опьянение» (2%).

Сдвиги, зафиксированные в мотивах, не только коррелируют с избирательностью партнера, но и содействуют снижению как границы начала сексуаль-

*Убежден, подходящая иллюстрация к высказанному положению — диалог героев романа Г. Свифта.

Подросток попросил девочку: «Покажи мне свою дырочку...».

Она сказала: «Нет». А я ответил: «Гляди, слопочешь». И она: «Только если ты тоже покажешь».

Я ответил: «У меня не дырочка, а прутик».

«Там тоже должна быть дырочка, разве нет? — сказала она. Я промолчал, и тогда она сказала: — Ну? »

Лицо у нее было совсем взрослое, серьезное. Я подумал: она и на девочку-то не похожа, она как женщина, у которой свои мысли.

И я задрал штанину своих шорт, быстро, всего на полсекунды, но она сказала: «Еще», точно скомандовала. Посмотрела, а потом взяла его рукой. Взяла и пощупала, словно пришла в магазин и выбирает помидор или еще какой-нибудь овощ...

И тогда я ... ударил ее. «Не лапай, пока не купила» [12, 148].

ных практик, так и возраста максимального вовлечения в них мужчин и женщин.

Коротко обобщая зарубежные литературные источники и собственные эмпирические данные, без всякого колебания скажу: не все так просто в приватном статусе женщины, как заявлено у К. Миллетт. Женщина, бесспорно, стала свободнее, раскрепощеннее сравнительно с недавним прошлым, но это лишь первые шаги: приобретение искомого лика — путь сложный, противоречивый и, больше того, не до конца проясненный. Показательна в этом отношении, к примеру, устойчивая дифференциация сексуальных стереотипов: приписывание мужчине — экстенсивности, женщине — интенсивности. Что скрывается за означенными понятиями? «Мужчины имеют, — пишет И. С. Кон, — значительно больше сексуальных партнеров, чаще меняют их, легче вступают в сексуальные связи и т. д. Это имеет под собой не только социальные (господствующее положение мужчин), но и биологические основания (биологическая функция самца — оплодотворить как можно больше самок, остальное его зачастую не касается)» [13, с. 368]. Я и сам был безоговорочным сторонником сформулированной позиции [14, с. 75], сегодня же меня посещают многочисленные сомнения. Укажу лишь на один, пребывающий на виду, поведенческий пласт. Спросим себя: все ли так очевидно при сопоставлении частоты сменяемости партнеров у мужчин и женщин? По данным выборки 1995 г., 70% студентов обоего пола к моменту опроса обновили до трех партнеров, а от пяти до десяти — 22% девушек и 24% юношей. Различия существенными не назовешь. Приведу свидетельства Э. Хаавио-Маннила по Финляндии. В 1971 г. до трех партнеров имели 81% женщин и 39% мужчин против соответственно 48 и 31% в 1992 г. От шести до девяти, по годам опроса, имели 4 к 14% женщин и 13 к 9% мужчин. Вот вам и женщины! Вместе с тем не станем заблуждаться: «слабый пол» по количеству партнеров в среднем не обошел «сильный», последний — стал превалировать в более весомых частотах. Так, от десяти до восемнадцати партнеров (соответственно годам опроса) сменили 16 к 21% мужчин против 3 к 12% женщин [15, р. 89]. Как бы ни интерпретировался предъявленный сюжет — тенденция говорит сама за себя. Во всяком случае, психофизиологическая детерминация половых различий стабильна, тогда как социокультурная — лабильна и разнонаправлена.

Сексуальная эмансипация женщин, будучи явлением многогранным, раскрепостила ее биологическую потенцию, способствовала эротической открытости, раскованности, в то же время оказалась не в состоянии разрешить экзистенциальную проблему любви — сферы, где наиболее пронзительно высвечивается гендерное своеобразие. Женщина остается для мужчины Другой — угрозой, воплощением крайней опасности, с ней по сути, можно объединиться только на мгновение. Любящий мужчина жаждет общаться с женщиной, обладать ею (или отдаться ей), но не отождествляет себя с нею, не мечтает стать такой как она, усвоить ее личные смыслы. В свою очередь, «женщины, хотя и борются за свое человеческое достоинство, воспринимают эротическую жизнь как рабство. Именно поэтому им кажется унижительным лежать под мужчиной, ощущать в себе его член, от этого они становятся фригидными» [2, с. 804]. Неужели тупик? Отнюдь. В общем плане понятно, что разорвать замкнутый круг, преодолеть отчуждение станет возможным тогда, когда индивид осознает

Другого как свою собственную инаковость и когда на основе этого он попытается слиться с ним в единое целое. Решающее слово здесь за женщиной, которой предстоит поиск своей эротической идентичности. Каково же пространство для ее потенциального конструирования?

Крайнюю зависимость женщины от мужчины демонстрирует проституция. Здесь нет ничего тайного, не просматриваемого. Мужчина, пользующийся услугами проституток, старается освободить секс от морали, страсти и прокреативной цели. Он воспринимает женщину исключительно как объект и посему отдается релаксации, как правило, щедро и вызывающе. Мужчина наслаждается униженностью проститутки. Как отмечал в свое время де Сад: распутника возбуждает не столько страдание жертвы, сколько сознание власти над ней.

Женщина в этих отношениях ярчайшим образом раскрывает свою амбивалентность. С одной стороны, проститутка не может отказаться удовлетворить самую изощренную прихоть любого клиента — худого или толстого, молодого или старого, садиста или мазохиста, сатириаста или импотента, с другой — индифферентность к объекту открывает перед ней возможность ускользнуть из-под его власти. Независимость достигается вопреки зависимости. Понятно, где отсутствует элементарная экспрессия, нужда в Другом — там господствует цинизм. «Почему никто никогда не раскаивался в развратных действиях?» — спрашивает героиня известного французского маркиза. И отвечает: «Потому что разврат очень быстро становится привычкой» [16, с. 21]. Добавлю от себя, тем самым как бы изолируется, хотя и тонким слоем, «свой мир». Отсюда высвечивается непродуктивность попыток интеллектуалов, жаждавших индивидуальными усилиями спасти «заблудших», женившись на них. Результат всегда один — разочарование, психологический дискомфорт*. Фигурально выражаясь, для того, кто побывал в аду, путь в рай закрыт.

Нелегко усвоить, что суть проституционных отношений вовсе не сводится к «купле-продаже» тела, как нередко провозглашается специалистами, глубинное — это атмосфера непреодолимой личностной отчужденности. Ведь оплата сексуальной связи, не боюсь показаться оригиналом, в различных ипостасях играет для женщины по преимуществу компенсаторную роль, снимает комплекс неполноценности. Обосновывая свою гипотезу, обращусь к рассказу известной шотландской феминистки Лины Брайан. Щедро воспользуюсь текстом, так как он сам по себе доставляет истинное удовольствие. Повествование, за мечу, ведется от имени потрясенного мужчины. Итак...

Впервые он встретил эту женщину на службе — в библиотеке.

«— Извините, — произнес голос, — я очень спешу. Не могли бы вы принять у меня книги...

— Я не работаю в абонементе. Сейчас позову мисс Педи...

И тут я увидел Эмили. Мой взгляд скользнул от ее девичьих грудей к лицу с холодными глазами и коротко подстриженными жирными волосами. Сердце сделало сальто-мортале, а то, что ниже пояса, затвердело...

— Привет, — сказала она. — Меня зовут Эмили.

— Стивен, — ответил я.

*Вспомним хотя бы героев «Ямы» А. Куприна или «Надежды Николаевны» В. Гаршина.

— Стивен, — повторила она. — Красивое имя.

И без видимых колебаний назначила свидание».

Встретились они несколько раз, а затем Стивен был приглашен Эмилией к себе домой. И вот он в гостях.

«Какое-то время я рассматривал книги. Все без исключения о финансах.

— Что ты там увидел, Стивен? — спросила Эмили. Ее тонкая рука обняла меня за плечи.

— Здесь и не пахнет романами, — ответил я.

— Или книгами о женских проблемах, — рассмеялась Эмили. — Я прагматик, меня интересует только то, что заставляет мир вертеться.

— Деньги, — произнес я.

— И секс. — Она взяла меня за руку и повела к предмету, завершавшему обстановку комнаты, — к своей кровати...»

Согласимся, речь и манера общения говорят за то, что перед нами типичная деловая, твердо стоящая на своих ногах эмансипированная женщина. И все же воздержимся, не будем спешить с выводами, продолжим повествование. «Эмили села на меня верхом и, опершись на руки и откинувшись назад так, что ее маленькие груди торчали, словно две порции желе, прояснила все, что должно было произойти.

— Сегодня — бесплатно, — заявила она. — Брать деньги в первый раз глупо. Ты больше не придешь. Если только ты не псих. А если псих, ты мне не нужен...

— погоди, Эмили, — запротестовал я. Она приложила палец к моим губам и заставила меня замолчать.

— Не спорь, — сказала Эмили, — это хорошая сделка.

Мое тело жаждало Эмили, и я начал встречаться с нею на регулярной основе: раз в неделю по двадцать фунтов».

Экстраординарность отношений стала угнетать юношу. Он попытался уточнить свой статус.

«Так, значит, Эмили, ты не проститутка? — спросил я по возможности небрежно. Она лежала на кровати и выглядела потрясающе: грудь полуобнажена, ноги прикрыты черным шелковым платком.

— Нет, — ответила Эмили своим хриловатым голосом.

— Я твоя любовница.

— Но тогда почему ты берешь с меня деньги? — Эмили объяснила. Она сказала, что мужчины часто обижали ее. Они принимали любовь Эмили и использовали это чувство против нее же самой. И теперь она берет деньги. Деньги означают, что она контролирует ситуацию, а следовательно, означает, что она в безопасности...» Сказано без обиняков, дерзко. Этому вызову «мужско-

*Кстати, реакция не нова, задолго до этого в том же духе рассуждала и С. Бовуар: «...заставить мужчину платить ... значит сделать его своим орудием. Женщина таким путем защищается, чтобы не стать самой орудием в руках мужчины; он полагает, что "имеет ее", но это сексуальное обладание иллюзорно, это она его имеет, и в гораздо более серьезном смысле — в экономическом» [2, с. 645].

му» миру невольно проникаешься сочувствием и ждешь решительных, неизданных шагов.

«Той ночью, — вернусь к изложению, — мы впервые поссорились по-настоящему. Из разных концов спальни мы обменивались оскорблениями и упреками. Эмили сказала, что я типичный шовинист. Я ответил, что она типичная шлюха... Эмили хотела, чтобы я любил ее такой, какая она есть, я хотел бесплатного секса».

Как завершается интрига? На первый взгляд — банально. Мужчина в конце концов добивается вожделенного. «...Уже довольно давно Эмили не берет с меня денег... Эмили носит розовые ситцевые платья. Чтобы волосы не топорщились, повязывает их широкой шелковой лентой. Поговаривает о том, чтобы продать свое дело. Хочет, чтобы я был кормильцем семьи, а она сидела дома. Эмили считает, что нам надо жениться. Она хочет детей...»

На самом ли деле эксперимент пришел к логическому концу, конфликт исчерпан, достигнут консенсус, да еще на базе традиционного разделения деятельности: мужчине — публичное, женщине — приватное? Не совсем. Духовный мир так и не наступил — «победителя» гложут сомнения: «Мне подумалось — может стоило оставить все как было, не добиваться перемен... Я в отчаянии» [17, с. 188–189]. Кто же в результате потерпел фиаско? Вспомним повнимательнее. Женщина, разрешив (нет сомнения, на время) проблему неполноценности, безмятежно вписалась в рутинную повседневность; напротив, мужчина, которому вновь вверили «руль», — растерян: утрачены фундаментальные свойства мачизма. Не может он удивлять и другое: героиня затратила колоссальную энергию на то, чтобы вырваться из-под влияния патерналистских норм и принципов — стать автономной, а на поверку все усилия представляются напрасными — инаковость не восторжествовала. И тем не менее, косвенный эффект от всплеска девичьей энергии не назовешь нулевым: он подорвал миф о жесткой «женско-мужской» природной детерминированности. Нетрафаретность, больше — креативность женской приватной практики вольно или невольно заставила мужчину — несмотря на внутренний протест — усомниться в незыблемости накатанной веками культурной колеи.

Мною в развернутом виде описано нетрадиционное эротическое поле в рамках слегка трансформированных патриархальных ценностей. Скорее всего, это противоборство и провоцирует недопонимание, столкновение партнеров и сводит, в конечном счете, на нет их поиски.

Само собой разумеется, поскольку деньги (или другие экономические эквиваленты) в межполовых связях играют инструментальную, очистительную роль, то открывается простор и для конструирования иных форм. К примеру, на фоне изменяющихся (под влиянием все той же революции) любовных смыслов, символов и поз женская пассивность может в глазах эмансипированных особ выглядеть выигрышно. Современная женщина, которая способна к нарушению рутинных норм, к карнавальности, платя любовнику, гордится природной пассивностью, убежденная, что она его эксплуатирует, поскольку энергию приходится тратить исключительно мужчине. Женское тщеславие удовлетворено, но и только — соотношение статусов если и изменяется, то во многом символически — бунт знаменует уход от зависимости, а не приобретение инаковости.

Несомненно, наиболее радикальный путь преодоления партнерского отчуждения демонстрирует лесбийство. На взгляд С. Бовуар, мужчина в половом акте стремится владеть женщиной, «он входит в нее как лемех в борозду; он делает ее своею, как и обрабатываемую землю» [2, с. 194]. Не в пример этому однополюс секс освящен ореолом бескрайности: влюбленная мечтает обладать предметом любви и одновременно – уподобиться ему или уподобить его себе. Вот как эти грани очерчены Кудашевой-Роллан, рассказывающей об экспрессивной жизни М. Цветаевой ее биографу Веронике Лосской: «Я думаю, когда Марина вышла замуж за Сережу Эфрона, это была обычная любовь между мужчиной и женщиной, и, как вы знаете, в таких случаях женщина ничего не испытывает. А в любви между женщинами – другое. Женщины умеют дать друг другу все почувствовать: «жуир»... [18, с. 64]. Приходится только удивляться безапелляционности, зашоренности Кудашевой, в силу чего нет смысла вступать с ней в полемику: каждому свое. Одна из интерпретаций сапфического эроса может быть следующей.

В гомогенно направленных отношениях «ласки» (petting) предназначены не для того, чтобы завладеть партнершей, а для того чтобы с ее помощью воссоздать самое себя, преодолеть разъединение. В акте сексуального прикосновения тела Другого субъект сам становится Другим, но не посторонним, а любимым, разрушая тем самым иерархию, снимая противоречие «верха» и «низа». Между партнершами (если они не имитируют гетеросексуальный акт) возникает взаимность, каждая из них является в одно и то же время и субъектом, и объектом (а не бучем или фемом): двойственность выливается в согласие.

Невольно задаешься вопросом: неужели ироническое замечание философа оказалось пророческим? Так ли уж тесно сопряжено формирование женской субкультуры, мифологии, религии, философии и т.п. с почвой известного греческого острова? Напрямую ничто не свидетельствует об этом. Достижения женского эмансипаторского движения уходящего века в большей мере запечатлены в общественной деятельности (право голоса, высшее образование, профессиональные экономические позиции), чем в личностной (трансцендентной). Дальнейшие перспективы движения (и в первую очередь в интересующем меня аспекте) насколько захватывающи и мультиобразны, настолько взрывоопасны и непредсказуемы. Иные скажут – слишком общо. У меня и не было иной цели. В мою задачу входило поставить проблему; ее решение, смею надеяться, – впереди.

Литература

1. Современный философский словарь. Лондон: Панпринг, 1998.
2. Бовуар С. де. Второй пол. Т. 1, 2: Пер. с франц. / Общ. ред. и вступит. ст. С. Г. Айвазовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997.
3. Миллетт К. Теория сексуальной политики // Вопросы философии. 1994. № 9.
4. Kinsey A. C., Pomeroy W. B., Martin C. E. et al. Sexual Behaviour in the Human Female. Ph: Saunders, 1953.
5. Masters W., Johnson V. Human Sexual Inadequacy. Boston, 1970.
6. Sorokin P. A. The American Sex Revolution. Boston: Porter Sargent Publishers, 1956.

7. Giddens A. *The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*. Stanford: Stanford Univ. Press, 1992.
8. Аннотированная библиография по социальным проблемам сексуальности (1960-е – первая половина 1990-х годов) / Отв. ред. С. И. Голод. СПб.: СПбФ ИС РАН, 1995.
9. Голод С. И. Социологические проблемы сексуальной морали. Автореф. канд. дис. Л.: ЛГУ, 1968.
10. Голод С. И. Социологические проблемы сексуальной морали. Автореф. канд. дис. М.: ИКСИ АН СССР, 1969.
11. Malewska H. *Kulturowe i psychospoleczne determinanty zycia seksualnego*. Warszawa: Naukowe, 1967.
12. Свифт Г. Последние распоряжения // *Иностранная литература*. 1998. № 1.
13. Кон И. С. *Лунный свет на заре: Лики и маски однополрой любви*. М.: Олимп; ООО Фирма Изд-во АСТ, 1998.
14. Голод С. И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб.: Алетейя, 1996.
15. Kontula O., Naavio-Mannila E. *Sexual Pleasures: Enhancement of Sex Life in Finland*. 1971-1992. Dartmouth: Aldershot, 1995.
16. Сад де. *Жюльетта или благоденствие порока*. Ростов-на-Дону: СП ХАД-ДОН, 1993.
17. Брайан Л. На регулярной основе // *Иностранная литература*. 1997. № 7.
18. Жук О. *Русские амазонки: История лесбийской субкультуры в России. XX век*. М.: Глагол, 1998.